

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata / Colucci M., Dell'Agata G., Goldblatt H. curantibus. V. I—II. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1986. LIX + 841 p.

Рецензируемый сборник посвящен сорокалетию преподавательской и научной деятельности одного из крупнейших славистов современности — Рикардо Пиккио. Статьи, вошедшие в сборник, очень разнообразны по тематике: здесь и конкретные вопросы истории славянских литератур, и частные лингвистические исследования, и обсуждение общих проблем славянских культурных традиций и типологии славянских культур. Это разнообразие отражает в конечном счете единство славянской филологии, взаимозависимость конкретных исследований и общих построений, связь исторических, литературоведческих, текстологических и лингвистических исследований, раскрывающих — именно в своей совокупности — разные, но тем не менее взаимосвязанные аспекты истории славянской культуры. За этим многообразием стоит единство славистики как научной дисциплины, и демонстрация этого единства как нельзя более соответствует научному облику юбиляра.

Действительно, диапазон научных интересов Р. Пиккио не только чрезвычайно широк, но и образует органическую систему, причем эта система и есть славистика в целом. Большое число работ Р. Пиккио посвящено истории отдельных славянских литератур. Он много занимается историей болгарской литературы (начиная с диссертации о творчестве П. Славейкова), посвящает ряд специальных исследований истории польской литературы (Кохановскому, Гурницкому, Мицкевичу), изучает разные периоды истории русской литературы (от Слова о полку Игореве и Повести о Петре и Февронии до Пушкина, Гоголя и Достоевского). Таким образом, славянский мир предстает перед ним в разных своих ракурсах, и это создает основу для глубокого проникновения в типологию славянского культурного развития, для ощущения органического единства лингвистических, литературных и культурных процессов, которые характеризуют разные славянские традиции.

Обобщая разнообразные характерис-

тики этого рода, Р. Пиккио формулирует противопоставление *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* как двух основных типов славянских культурных традиций [1—3]. Эти традиции различаются прежде всего литературным языком: в период средневековья литературным языком *Slavia Orthodoxa* является церковнославянский, тогда как в *Slavia Romana* в этом же качестве функционирует латынь. Церковнославянский как общий литературный язык православного славянства является определяющим фактором литературного процесса в *Slavia Orthodoxa*, это проявляется в постоянной циркуляции литературных памятников между разными славянскими областями, в сложной взаимосвязи национальных инноваций и наднационального единства словесности. Сходные моменты имеют значение и для *Slavia Romana*, хотя латынь создает культурную общность иного характера, нежели церковнославянский, непосредственно вводя славян-католиков в культурные процессы, переживаемые Западной Европой. В этих условиях по-иному определяется соотношение национальной и наднациональной культуры, иначе происходит развитие национальных литературных языков, противопоставленных наднациональному литературному языку средневековья. Таким образом, *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* обладают комплексом специфических характеристик, относящихся и к языку, и к литературе, и к культуре в целом.

Особое внимание уделяет Р. Пиккио специфике *Slavia Orthodoxa*. Отмечая устойчивость сложившейся здесь языковой ситуации (церковнославянский функционирует здесь в качестве основного литературного языка вплоть до XVIII в.), исследователь рассматривает характер функционирования церковнославянского в рамках всего православного славянства [4—6]. Наряду с общей нормой церковнославянского Р. Пиккио указывает на «наборы изоморф», которые определяют «приемлемость» церковнославянского в разных регионах и в разные пе-

приоды, рассматривает взаимодействие общей и локальных традиций в истории церковнославянского. Вместе с тем Р. Пиккио выделяет в церковнославянском консервативную норму, реализующуюся прежде всего в литургических текстах и подвергающуюся сознательной нормализации, и «фактические нормы», в которых отражаются локальные инновации и на уровне которых и устанавливаются те наборы изонорм, о которых было сказано выше.

С характером функционирования литературного языка соотносятся и особенности литературного процесса. В сфере *Slavia Orthodoxa* корпус литургических и библейских текстов оказывается нормопологающим не только для языка, но и для словесности в целом. Для произведений средневековой литературы характерно вообще соединение двух смысловых пластов — буквального и духовного, и это сочетание имеет для себя изначальным образцом смысловую двуплановость Св. Писания, утвержденную многовековой традицией христианской экзегезы. Описывая эту двуплановость в литературных памятниках славянского средневековья, Р. Пиккио вводит понятие «тематического ключа», открывающее существенные возможности для анализа традиционной литературы [7—9]. Таким ключом служат библейские цитаты или другого рода отсылки к сакральным текстам, которые выступают как своеобразные индикаторы духовного смысла произведения. Новые тексты не создают новых смыслов (такая цель чужда средневековому творчеству), а раскрывают тот смысл, который изначально задан избранным образцом — на этот образец и указывают цитаты и аллюзии, играющие роль тематического ключа. Таким образом, ориентация на нормативные сакральные тексты является определяющей как для языка, так и для словесности *Slavia Orthodoxa*.

При наличии смысла, заданного сакральным образцом, индивидуальное авторство, столь важное для современной культуры, не имеет существенного значения. Этим и обусловлена характерная для большинства литературных памятников *Slavia Orthodoxa* открытая текстологическая традиция: переписчики выступают как «редакторы-соавторы», и разного рода преобразования текста (его контаминация с другими текстами, использование в компиляциях и т. д.) оказываются постоянной чертой литературного процесса [10]. Эти принципиальные положения определяют для Р. Пиккио и конкретную технику текстологического анализа, разработке и демонстрации которой посвящены многие работы исследователя.

Данные характеристики языковой ситуации и литературного процесса соотносятся, естественно, с определенным типом культуры. Культурная система, сформировавшаяся в средневековые, обуславливает и многие специфические черты последующего развития. Это относится прежде всего к становлению национальных литературных языков, противостоящих церковнославянскому. Исходная модель такого становления задана полемикой о *Questione della lingua* в итальянском Cinquecento. Попадая на славянскую почву, выработанные в этой полемике понятия (достоинства, нормы и т. д.) получают специфическое содержание; это относится как к *Slavia Orthodoxa*, так и к *Slavia Romana*. Разработка данных вопросов ведется Р. Пиккио с 1960-х годов; его идеи в этой области послужили основой для ряда коллективных работ, существенно обогативших современную славистику [11, 12].

Содержание юбилейного сборника соответствует тому широкому диапазону научных интересов, который выразился в трудах самого юбиляра. Здесь и работы по отдельным славянским литературам, и конкретные лингвистические исследования, и статьи, посвященные принципиальным вопросам текстологии, и труды по истории культуры.

Ряд весьма интересных работ посвящен памятникам древнерусской литературы. Дж. Алиссандратос разбирает житие Юлиани Лазаревской, Дж. Броджи Беркофф дает классификацию эпистолярных памятников, М. Колуччи по-новому строит текстологию „Хожения за три моря“ Афанасия Никитина, Пезаре де Михелис пишет об антипротестантском трактате Ивана Грозного, Г. Ленхофф реконструирует те представления древнерусских книжников об организации повествования, которые стоят за выражением «по ряду», П. Левин анализирует содержание киево-могилянской школьной драмы, Д. С. Лихачев развивает гипотезу о том, что Слово о полку Игореве создавалось для двух певцов, каждый из которых был наделен своей позицией, М. Зелковски рассматривает смену тематических ключей в разных житиях Михаила Черниговского.

Большой интерес представляют и работы по истории польской литературы. Сюда относятся статьи П. Бухвальд-Пелцовой, А. Кадича, Я. Пелца и В. Вайнтрауба о Я. Кохановском, Э. Станкевича о языке и стиле М. Рея, Т. Улевича о литературном портрете сарматизма, Й. Влашка о проповедях Скарги. Хотелось бы особо отметить работу А. Валицкого, вскрывающего глубинную общность в идеологии А. Мицкевича и славянофилов (противопоставление органического развития

рациональному, единства большинству, нравственности искусственному закону).

Сборник привлечет внимание и специалистов по южнославянским литературам. Укажу, в частности, на работы Ф. Чале о Марине Држиче, П. Динкова о читателе «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского, А. Джуровой, которая, анализируя миниатюры Псалтыри Томича, показывает ее связь с Килифаревским монастырем и Феодосием Тырновским, А. Джамбелуки Коссовой о рукописной традиции Похвального слова св. Кириллу Климента Охридского, Кл. Ивановой о значении переводной литературы в истории второго южнославянского влияния, Л. Матейки о соотношении языковой и поэтической системы в устном и книжном творчестве у сербов и хорватов, А. Милтеновой о южнославянских сборниках смешанного содержания.

Ряд напечатанных в сборнике работ представляет существенный вклад в изучение текстологических и лингвистических проблем славистики, и на них я остановлюсь несколько подробнее.

Методологически важной представляется работа М. Капальдо. Автор исследует источники древнеболгарской проповеди-похвалы Иоанну Богослову, приписываемой Иоанну Экзарху («Паки намъ...»). Эта проповедь является компиляцией ряда греческих произведений, одни из которых дошли до нас, другие же требуют реконструкции. Сама компиляция была осуществлена, как показывает М. Капальдо, славянским автором, причем в единстве возникшего таким образом наметника проявляется оригинальность «автора-компилятора». Существенны установленные М. Капальдо соответствия между «*technica compositiva*» и «*technica di traduzione*» (поиски оригинальности в композиции — поиски стилистической оригинальности; воспроизведение источника на уровне микроструктуры — воспроизведение стилистических особенностей источника и т. д.). Предложенные М. Капальдо методы текстологической работы открывают большие перспективы для изучения литературного развития *Slavia Orthodoxa*.

В. Федер сопоставляет три слова о чтении Св. Писания и показывает, что одно из них — Слово некоего калугера о чтении книг из Изборника 1076 г. — является обработкой двух других. Поскольку Слово некоего калугера возникает, видимо, в Преславе X в., два других слова должны были уже существовать в это время. В. Федер указывает, что ряд орфографических особенностей поздних списков этих двух слов восходит к их архаическим протограммам, и этот вывод представляет безусловный интерес с точки зрения языковеда. Вместе с тем су-

ществовавшие в древнейший период данных слов делает вероятным и существование в то же время тех сборников, в которые эти слова устойчиво входят в качестве предисловий — Скалигеровского Протонатерика и Измарагда в 165 главах. Это существенно расширяет наши представления о репертуаре славянских литератур в древнейший период.

Н. Цыгем посвящает свою работу реконструкции славянского жития св. Людмилы на основе русского проложного чтения и латинской легенды *Fuit*. Он показывает, как возникают добавления в проложном чтении сравнительно с *Fuit*, и решает вопрос о том, почему св. Людмила не упоминается в житии св. Вацлава. Пассажи об обучении Вацлава Людмилой автор считает русской интерполяцией. В схеме жития св. Вацлава его матери, Драгомир, вдохновительнице убийств св. Людмилы (по житию св. Людмилы), отводится роль невинной жертвы, в преследовании которой кается св. Вацлав. Отсюда и молчание жития св. Вацлава о св. Людмиле. В то же время русское проложное чтение о св. Вацлаве содержит дополнения, обусловленные необходимостью согласовать его с чтением о св. Людмиле.

Интересной, хотя и спорной представляется статья Х. Голдблатта, посвященная фрагменту о «русских письменах» в Житии Константина. Вслед за Р. Пикко автор отмечает, что свидетельства о древнем распространении Жития Константина у южных славян относятся лишь к той его части, где речь идет о славянской миссии. Фрагмент о «русских письменах» Х. Голдблатт считает относительно поздним русским дополнением, связанным с ростом русского национального самосознания. Южнославянские версии этого фрагмента отражают ту оценку русской книжной традиции как древнейшей, которая сложилась в XV в. (Константин Костенечский). В принципе такой радикальный пересмотр сложившихся взглядов вполне возможен, однако однозначных фактических доказательств автор не приводит. Замечу еще, что новое построение требует поздней датировки Сказания о грамоте русской, что также вызывает ряд возражений.

В работе Ф. Томсона указываются греческие и славянские источники двух слов, приписываемых Клименту Охридскому. Использование этих источников с большей вероятностью исключает авторство Климента. В этой связи Ф. Томсон ставит вопрос об общей значимости тех лингвистических и стилистических критериев, которые применяются для атрибуции анонимных сочинений Клименту Охридскому.

Большой интерес представляет и ра-

бота В. Водоса, посвященная Первой Новгородской летописи. Исследуя соотношение старшего и младшего изводов этого памятника, автор указывает, что в них используются разные источники, причем старший извод может быть связан с летописанием Юрьева монастыря, а младший — с деятельностью архиепископской кафедрой. Отсюда автор делает ряд общих выводов о роли монастырского летописания в русской историографии.

Переходя теперь к лингвистической части сборника. Ряд принципиальных вопросов поставлен в статье А. Наумова. Излагая принадлежащую Р. Пиккио концепцию единого языкового развития Slavia Orthodoxa в раннюю эпоху, А. Наумов указывает на два момента, требующие дополнительного осмысления. Р. Пиккио определяет старославянский язык до его распространения в Болгарии как «язык апостольский», т. е. имевший лишь вспомогательное миссионерское значение и в этом качестве санкционированный Римом. А. Наумов отмечает, что фактически старославянский функционировал в Великой Моравии и Паннонии как сформировавшийся литературный язык и это фактическое положение необходимо учитывать в построении его реальной истории. Второй момент относится к образованию Slavia Orthodoxa. Очевидно, что этот процесс должен быть связан с разделением церквей в 1054 г., однако значение этого события для функционирования церковнославянского остается неуясненным, и в этом плане концепция Р. Пиккио требует дальнейшей разработки.

Большой интерес представляет работа Дж. Дель 'Агаты. Рассмотрение церковнославянского как общего литературного языка православного славянства связано с представлением о свободной циркуляции памятников между разными славянскими регионами. Однако перенесение памятников из одной славянской области в другую нередко было связано с языковыми трудностями, и автор тщательно анализирует разнообразные записи писцов, указывающих на сложности в понимании церковнославянского текста. Этот анализ показывает, что в языковом сознании формировались представления о различии изводов, причем понятия «болгарского», «сербского», «русского» могли включать не только соответствующие редакции церковнославянского, но и соответствующие некиевские языки. Средневековые книжники представляли себе признаки, отличающие отдельные изводы, и могли основывать на этом практику переписывания из извода в извод. Таким образом, единство литературного языка существует при осознании разнородности изводов (прежде всего в орфографии

и лексике). Переписывание-редакция выступает при этом как закономерный процесс, который снимает трудности коммуникации при перенесении памятника из одного региона в другой и оказывается, следовательно, манифестацией того единства в разнообразии, которое являет литературный язык Slavia Orthodoxa.

Принципиально важной представляется и работа О. Неделкович. Автор начинает с анализа церковнославянского-сербского двуязычия у Г. Стефановича Венцловича, указывая, что в отличие от Бука Караджича Венцлович рассматривает церковнославянский как единственный полноправный литературный язык, а сербский выступает для него как его гармоническое дополнение, служащее прояснению церковнославянских текстов. Как показывает О. Неделкович, «сербский» Венцловича основан на «общем иллирийском», нормализованном у хорватов в ходе Контрреформации и воспринятом как готовое койне переселившимися в Венгрию православными сербами. Функционально «сербский» язык Венцловича возникает как ответ на языковую ситуацию в Slavia Orthodoxa в XVI—XVIII вв., когда непонятность церковнославянского для православного населения, его лингвистическая необразованность делали необходимым использование народного языка как вспомогательного средства, призванного сделать церковнославянский доступным. Ранее всего эта ситуация возникает в Литовской Руси, и там она приводит к формированию «простой мовы». Это развитие является прецедентом и для образования «влашского простого языка» в Румынии, и для Венцловича. В дальнейшем результатом подобных же процессов оказывается «славеноболгарский» Паисия Хилендарского. Во всех этих случаях народный язык не стремился подменить или вытеснить церковнославянский, но должен был служить обновлению церковнославянской образованности, закреплению употребления традиционного книжного языка у православных. Нарисованная О. Неделкович картина проясняет, на мой взгляд, многие аспекты развития *Questione della lingua* у славян. Автор, однако, некритически отождествляет гибридные формы церковнославянского (язык Фр. Скорины, «славеноболгарский» Паисия Хилендарского) с письменными вариантами народного языка (язык Симона Будного, Василия Тяпинского, «сербский» язык Венцловича и т. д.). Действительно, при всем различии их языкового состава эти языки играли одну и ту же функциональную роль. Это функциональное тождество при различии в структурной организации представ-

ляется весьма значимым явлением, которое следует выделить и объяснить как одну из характерных черт языкового развития *Slavia Orthodoxa*.

Для истории русского литературного языка очень интересным представляется исследование Г. Хюттль-Фольтер. Сопоставляя язык Повести временных лет и Начального свода в составе Первой Новгородской летописи, автор отмечает существенно большую русифицированность первого памятника сравнительно со вторым. Статистические данные говорят при этом не о случайных отличиях, но о сознательной русификации. Эту русифицирующую переработку Г. Хюттль-Фольтер приписывает преп. Нестору и связывает с тем, что под его пером монастырское летописание превращалось в национальную историографию. Этот вывод представляется смелым и значительным, и было бы желательно, чтобы он был подтвержден более широким анализом языкового материала.

Ценные данные содержатся в работе Д. Ворта о новгородских берестяных грамотах. Как и в ряде предшествующих исследований, посвященных берестяным грамотам, Д. Ворт показывает, что статистическое обследование достаточно простых параметров дает весьма содержательные результаты. В рассматриваемой работе содержится подсчет распределения берестяных грамот по годам (он потребовал довольно сложной переработки данных). В этом распределении заметна существенная неравномерность. В частности, резкий спад приходится на период с 1230 по 1270 гг., что исследователь связывает с чумой и татарским нашествием. Резкий взлет падает на 1370-е годы, вопрос о его причинах остается открытым.

Важные наблюдения содержатся в статье Г. Кайперта, посвященной источникам очерка русского языка, написанного В. Е. Адодуровым и опубликованного в приложении к Вейсманову лексикону 1731 г. В числе источников этого очерка оказываются, как показывает автор, латинские грамматики, по которым учились в петербургской академической гимназии — Альвар и «*Grammatica Marchica*». Эти грамматики представляли две традиции изучения латыни — киевскую и немецкую. Они могли быть как непосредственным источником адодуровского очерка, так и (в отдельных случаях) опосредствованными — через грамматики Шванвида, Лудольфа, Смотрицкого. По схемам «*Grammatica Marchica*» строится у Адодурова именная морфология, по схемам Альвара — синтаксис. На зависимость от этих источников указывает не только система изложения, но и примеры, представляющие

собой перевод с латыни. Г. Кайперт показывает, что у Адодурова отталкивание от Смотрицкого (построение нормативной русской грамматики, противопоставленной церковнославянской) соотносится с ориентацией на западноевропейские грамматические образцы.

Работа П. Гарда посвящена отношениям А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина. П. Гард указывает, что критика Шишкова не касается собственно языка Карамзина (например, употребления заимствований), но только его стилистики и некоторых калек с французского. Вместе с тем в их позициях много общего — защита национального языка, убеждение в необходимости его употребления в литературе. Исследователь обращает внимание и на постепенное сближение политических взглядов двух авторов. Такой пересмотр полемики архайстов и новаторов несомненно полезен, однако кажется, что он требует более глубокого анализа их лингвистических установок, в частности, общей зависимости Шишкова и Карамзина от концепций европейского туризма (прежде всего французского) и различий в характере приложения европейских построений к русской языковой ситуации.

Отмечу, наконец, очень интересную работу А. М. Шенкера о богемизмах в польском памятнике XIV в. *Kazania świętokrzyskie*. Автор вскрывает большое число не отмеченных ранее богемизмов, относящихся к разным языковым уровням (фонологическому, морфологическому, лексическому, фразеологическому). Отсюда по-новому выясняется роль чешской традиции в формировании польского литературного языка.

Даже из этого краткого обзора видно, насколько разнообразен и интересен рецензируемый сборник. Это и в самом деле достойное приношение Рикардо Пиккио, показывающее плодотворность его идей и соответствующее широте его научных интересов. Сборник демонстрирует высокий уровень современных славистических исследований и несомненно вызовет большой интерес научной общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Picchio R.* O cerkiewnosłowiańskiejej wspólnocie kulturalno-jezykowej // *Sprawozdania z posiedzeń Komisji oddziału PAN w Krakowie*. Kraków, 1962.
2. *Picchio R.* A proposito della Slavia ortodossa e della comunità linguistica slava ecclesiastica // *Ricerche Slavistiche*. 1963. T. 11.
3. *Пиккио Р.* Старобългарската традиция и православното славянство. София, 1987.